

Вира Лечки

Вторая остановка была в Киеве. А когда мы приехали в Киев, там мы уже увидели пекло. На станции было полно людей. Поезда ходили очень редко, а если приходили, то такие переполненные, что не только внутри, но и на крыше было полно людей. На станции, под стенами, лежали умирающие люди. Их глаза глубоко позападали, а в тех ямках было полно вшей. Мы там пробыли два дня, пока не добрались до дома.

Там, в 7-ми километрах от нас, была сахарная фабрика. И была сахарная свекла, которую повсюду выращивали. А тогда посадили не сахарную свеклу, а ту из которой семена выращивали - рассаду, как говорится. Ну и нас - хотя мне тогда было 7 лет, или что-то вроде того, - и таких как мы, гоняли собирать «жучков», или как они там называются. Давали нам баночки такие, чтобы мы их собирали, потому что их налетело кто знает сколько, и они все съедали. Я припоминаю одного мальчика. Он был, может, немного старше меня, а, может, и нет. Он все следил за тем бригадиром, где тот был, - все следил. А потом, когда этот бригадир где-то был, он выдернул свеклу и положил ее в банку. А бригадир заметил, пришел, вытащил эту свеклу из банки и начал его лупить той свеклой по лицу, так что у того кровь из носа потекла, и такие ругательства ему говорил... ой! Так что, видите, если бы кто-то другой был, с сердцем человек, то может быть и увидел бы, а сделал бы вид, что не заметил. А тот, видите, как поступил....

Не раз плачу, говорю сестре: "Я хочу есть!" А сестра говорит: "Вера, засыпай! Потому что, как заснешь, - говорит, - есть больше не захочется!" Но когда человек голодный – ему очень тяжело заснуть. Когда люди голодные, они не думают ни о каких угощениях, а только думают о кусочке хлеба. Ну и так, говорю, что большевики уничтожили наших родственников – отца и мать.